

ОН ВЫШЕЛ ИЗ ДЕВЯТОГО ВАГОНА...

В НЕБОЛЬШОЙ по объему книжке писателя - сатирика Михаила Задорнова, вышедшей в свет полтора года назад, я сразу же наткнулся на его кредо. Вот оно: «Когда мы не знаем авторства фразы или афоризма, мы говорим: «Как сказал кто-то из древних...» Так вот... Как сказал кто-то из древних: «Юмор — это когда смеешься над тем, кто упал. А сатира — над тем, кто толкнул. Считаю необходимым в наше время смеяться только над теми, кто толкается!».

И он стал смеяться. Сперва, когда волею судьбы закончил Московский авиационный институт, но вместо того, чтобы толкать вперед инженерную мысль, срочно перекаленился в режиссеры студенческого агиттеатра и очень преуспел в этом деле. Затем с утра до вечера

смеялся в отделе сатиры и юмора в журнале «Юность». И, наконец, удажды, выйдя из девятого вагона, Михаил Задорнов рассмеялся так громко и заразительно, что все, кто услышал эту историю со сцены, тоже хохотали до слез. Вот так он и стал писателем-сатириком. Не все, правда, знают, что был в его творческом становлении еще один важный момент — родственный, а точнее, генетический. С него-то и начался наш разговор.

— Михаил Николаевич, ваш отец известный прозаик, автор крупных исторических произведений. Видимо, генетический код, переданный вам по наследству, сыграл не последнюю роль в том, что вы тоже взяли за перо!

— Вообще-то принято считать, что гены унаследуются через поколение, на детей природа как бы

отдыхает. Но случилось то, что случилось: я стал писать. Кстати, по роману отца «Амур-батьюшка» написал пьесу, она была поставлена в Комсомольске-на-Амуре, как раз в тех местах, которые описаны в романе.

— Значит, вы пишете не только сатиру!

— Не только. Почему-то отец не хотел, чтобы я занимался литературным творчеством и упорно толкал меня в инженерные (что из этого вышло, вы уже знаете). Он считал, что лучше быть плохим инженером, чем плохим писателем. Доля истины в этом, мне кажется, есть. Ведь бездарного инженера может никто не знать, а бездарь-писатель весь на виду. И вот он пытался оградить меня от этой участи. Но я все равно стал писать, и не только сатиру — очерки, рассказы, думаю даже вы-

пустить книгу, что-то вроде путевых заметок.

— Почему же вы до сих пор не член Союза писателей?

— Видите ли, раньше членом Союза можно было стать, имея одну книгу. Но в то время у меня ничего, к сожалению, не было, так как нельзя было ее напечатать, не будучи членом Союза писателей. Потом, когда я, наконец, прорвал этот замкнутый круг, появилось новое правило: принимать только тех, у кого две книжки. Я поднатужился и выпустил вторую. Теперь и двух мало. Думаю, неведение фатальное, на всю жизнь...

— Рассказывают, что ваша семья была сослана в Иркутск. Это правда?

— Совершеннейшая чушь! Отец родился в Пензе, долго жил в Чите. А его отец, мой дед, работал ветеринаром у

у вас, в Алма-Ате. Раньше так было принято: специалисты приезжали на периферию, помогали местному населению, передавали людям свой опыт, делили с ними радость и горе. Когда вспыхнула эпидемия чумы и начался падеж скота, над многими ветеринарами учинили жестокую расправу, обвиняя в том, что они нарочно заразили животных. Мой дед попал в тюрьму и там умер. А насчет ссылки все неправда. Союз писателей СССР направил отца в Ригу, где он в течение двух лет возглавлял местный писательский союз.

— Михаил Николаевич, вот слушаю вас и захотелось спросить: вы так едко высмеиваете чиновников, функционеров, бюрократов, все те глупости, которые нас окружают. Но хоть кого-нибудь уважаете?

— А как же! Комсомольцев очень люблю. Частенько, если они где-то что-то проводят, я непременно стараюсь принять участие — для развития собственного чувства юмора. Не так давно я побывал по их линии в ФРГ, должен был выступить на чемпионате Европы по футболу. С концертом, разумеется. Съездить-то съездил, но не выступил. Комсомольцы так все организовали, что наши маршруты не пересеклись. Зато привез оттуда монолог Феи, который рассказывает, как он поощал эту страну, что там видел и слышал. Здесь был Евгений Петросьян, он этот рассказ читал.

— Раз вы уж вспомнили Петросьяна, то скажите, почему с некоторых пор произведения писателей — сатириков читают не артисты разговорного жанра, а сами авторы? Ведь артист не только говорит текст, но еще и проигрывает его...

— Вот-вот! Именно поэтому мы и стали читать сами! Артисты переигрывают, искусственно усмешняют содержание. А сколько

ненужных кривляний, ужимок! Согласен, Карцев и Ильченко здорово исполняют вещи Жванецкого. Но как бы мы много потеряли, если бы не слышали самого Жванецкого. И потом, у нас на эстраде мастеров, которые по-настоящему умеют это делать, по пальцам пересчитать можно — Хазанов, Петросьян, Новикова, Карцев и Ильченко. Да и сам я очень не люблю, когда мои монологи читают артисты. Я их даже не слушаю. Не могу...

— Почему же тогда отдаете им свои вещи?

— Руководствуюсь известной поговоркой: легче дать, чем объяснить, почему не дал.

— Недавно вы вернулись из Соединенных Штатов Америки. Какие впечатления привезли оттуда?

— Пережил несколько больших и малых потрясений, от которых до сих пор не могу оправиться. Первое, на что обратил внимание: они тоже смеются, но весело, и не понимают, над чем. У них билет на концерт 40 долларов стоит, вот они и хохочут, чтобы деньги зря не пропали. Наш же человек смеется более сдержанно, потому что у него постоянно на уме: можно над этим смеяться или нельзя?

Но есть еще один смысл в современном смехе. Появилось не так давно в обиходе новое слово, придуманное нашими современными руководителями — «мышление». С ударением на первом слоге. Ибо то, что творится в голове у советского человека, это не мышление, а именно мышление. А поскольку тех, кто с «мышлением», у нас значительно больше, то демократия, которую мы сейчас утверждаем, оказалась для них совершенно неопасной. Да ради Бога, ругайте меня на чем свет стоит! Да, не справляюсь я с работой, да, нелюблю меня больше на этом посту оставлять. А теперь — голосуем...

Ага, ты против большинства? Извини, регламент. Ты против регламента? Извини, отключился микрофон. И против микрофона? Товарищи, обещанный перерыв! И ничего тут не поделаешь — пробить это большинство вообще невозможно, ничем. Так что с мышлением при нашей с вами жизни нам пока не справиться. Потому что даже доброе начинание это большинство превращает в собственную кормушку или доводит до крайней степени идиотизма. Как, например, с антиалкогольной кампанией вышло. Хорошее, нужное дело, а во что превратили! Вырубили виноградники, перепрофилировали заводы, из учебников литературы срочно стали выбрасывать Пушкинские строки: «Выпьем с горя, где же кружка?» — великий поэт в свете антиалкогольной кампании подает дурной пример детям, спивая свою няню. Каково?!

А гимн в очередной раз переписывать, а историю пересматривать? Шутки шутками, но в МГУ ведь «Историю КПСС» больше нет! Новый предмет ввели, называется «Социально-политическая идеология двадцатого века».

— Простите, Михаил Николаевич, но мы начали об Америке...

— А что Америка? А что Америка? Я же сказал, сплошные потрясения. Одно из них испытал на загородном шоссе под Нью-Йорком. Говорят, на этом же месте была повергнута в шок Алла Пугачева. Вот как было дело. Секретарша нашего импресарио, которая возила нас по магазинам (там такие магазины, что мысль посетить музеи мне лично в голову не приходила), после очередной такой экскурсии спрашивает: есть хотите? Хотим, говорим, но... где? Она останавливает машину у обочины и, высунув голову, говорит куда-то в канаву: «Дайте нам три устрицы, два салата и пепси-колу». Верите, я

подумал, что она с голодухи тронулась. Ну откуда мне было знать, что у обочины, неподалеку от закусочной, установлен микрофон и можно сделать заказ. Мы еще немного проехали, и нам прямо в машину подали еду... А улыбающийся швейцар в гостиницах, которые не только двери открывают, но и вещи помогают занести? Нет, вы скажите, вы у нас где-нибудь видели улыбающегося швейцара? А 37 сортов маслин? А 90 разновидностей кефира? А машинку для выбривания волос из уха!

— Впечатляет, не скрою. Но ведь потрясенный и у нас хватает. И у нас есть чем удивить своих сограждан.

— Вот тут-то я с вами совершенно согласен. Заходишь, к примеру, в лифт, а там инструкция, как им пользоваться. Разве не удивительно? Не понимаю, каков же умственный потенциал того человека, который, зайдя в лифт, прежде чем нажать на кнопку, будет читать правила? Вот вы читаете?

— Нет, разумеется...

— И я тоже. Ну, ладно еще, когда застрянешь... А видели внизу приписку: запрещается пользоваться неисправным лифтом? Помилуйте, как же можно пользоваться неисправным лифтом? Как тут не удивиться. Еще я не пойму, почему у наших ветеранов на досках почета такие лица, будто их на кол посадили. И уж совсем не понимаю вот что. Если один район в городе — Советский, то остальные не наши, что ли, антисоветские? Или с чего этот вдруг завод назвали «Красный богатырь»? Он что, написал? А «Красная швея»? Она-то почему красная — со стыда за свою продукцию?

А какие у нас потрясающие лозунги! Я многих наших лозунгов тоже не понимаю. Что означает, например, этот: «Повернем экономику лицом к человеку!» А раньше она, простите, каким местом стояла? Или вот еще: «Мы никогда не отдадим наших завоеваний». Но кто их у нас просит? Но кое-что все-таки понял. Например, это: «Пионер — ты в ответе за всех!».

— Знаете, Михаил Николаевич, я, кажется, догадываюсь, почему вас называют «черным сатириком» — очень уж зло вы пишете...

— Пусть называют. Не могут же все писать одинаково. У одного преобладает сатирическое, у другого юмористическое — люди по-разному жизнь воспринимают, и у каждого свое лицо. Ефим Смолин пишет более смешно, Аркадий Арканов — более психологично. Что же касается меня, то я пишу сатирические произведения.

— И все же, если бы я попросила вас порассуждать о нашей сегодняшней жизни не с точки зрения писателя Задорнова, выступающего на эстраде, а просто как человека, как гражданина?

— Понимаю ваш вопрос. Да, у нас всю жизнь как-то так было: со сцены, с трибуны говорили одно, на кухне, в кулуарах — другое. Но для меня никогда не было разницы, что и где сказать. Потому что на сцене я говорил то же самое, что и на кухне, только резче, серьезнее и без всякого смеха. Надоело, когда все время дурачат людей. И если раньше мы этого как-то не замечали, а многие и не понимали, то теперь все вышло наружу. И зла не хватает видеть все это. Мы считали, что человека можно изменить по указке сверху. Чудовищное заблуждение, о котором и сейчас никто пока не говорит. Мне кажется, Горбачев — первый из наших руководителей, поверивший именно в человека. Но за это, как ни странно, ему достается и справа, и слева. Понять можно: людей так долго ломали, поучали, подавляли, что они в конце концов взбунтовались, и кое-кто стал связывать наши нынешние беды с его именем. Но это не так. И далеко не каждый еще осознал, какую глыбу он приподнял, сколько всего открыл... Так что давайте думать всерьез. И дело делать. А уж посмеяться всегда найдем над чем. Жизнь подскажет...

Беседу вел
И. ЗИМИНА.

Фото
Б. Кульмагамбетова.